

СОБЫТИЯ И ЛИЦА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ В СТИХАХ МОЛОДОГО П.Г.АНТОКОЛЬСКОГО

Молодость Антокольского пришлась на время, когда его родину сотрясала череда великих и грозных исторических событий: первая мировая война, революционный 1917 год, гражданская война, первые годы социалистического строительства. Время порождало темы, которые не могли не становиться темами его стихов, но отражались они в них своеобразно. С ранних лет в нем сложилось качество, которое сохранилось до конца дней и которое пронизательно уловил один из наиболее тонких его критиков – Лев Аннинский – какая-то мера отрешенности от происходящего вокруг: «...сдавать экзамены (идеологические) не любил, заказ (социальный) сверх положенного не отрабатывал. Его действительно что-то словно бы пронесло мимо воспламеняющих реалий повседневности» [1, с. 151]. Книжность происхождения поэтического мира молодого поэта, продолжает критик, «не должна нас обманывать: из "тетрадки со стихами" не извлечь того потока реалий, который пронесится у Антокольского через ангельские трубы...» [1, с. 152].

Об обстоятельствах, в которых Антокольский впервые обратился к политической тематике своих стихов, он рассказывает так: «В феврале-марте 1917 года я пошел добровольцем в революционную милицию. Моё служение продолжалось очень недолго. Тогда же я начал писать первые гражданские, политические стихи. В них сказалось давнее увлечение историей, декабристами, сказался декламационный пафос, тоже воспитанный с давних пор, сказалось наконец общеинтеллигентское увлечение показной стороной революции, беспредметное при виде толпы с красными флагами. Этот жирондизм не очень высокой марки все же выбил из меня аполитичный снобизм. Для дальнейшего он был очень важен» [2, с.252-253].

В первые месяцы 1917 г. он пишет несколько стихотворений, несомненно, навеянных Февральской революцией. Бесполезно было бы искать в них какое-либо изображение событий, происходивших на глазах поэта. Две вещи обращают на себя внимание. Первая – то, что уже в это время Антокольский мыслит как поэт-историк, и впечатления от происходящего вызывают в его памяти воспоминания о других революциях, прежде всего о Французской. Неоднократно упоминаемая Марсельеза перерастает в некий символ любого революционного выступления. Вторая – это пронизывающий их скепсис: никакого восторга по поводу уничтожения монархии не наблюдается, напротив, поэт вглядывается в будущее с ясно ощущаемой тревогой.

Когда каскады толп в пустое небо влезут,
И отшатнется страх в простреленном мозгу,

И сонмы ангелов затынут Марсельезу,
И каждый заорет: «Я – больше – не могу!»

Здесь каждое слово пронизано пренебрежительностью и неприязнью: «каскады толп», «пустое небо», «затынут», «заорет». Тогда останется надежда лишь на Бога, который один способен противостоять «многоэтажному бреду» происходящего: «Тогда простри сюда проколотые руки, / Ты, Искупивший мир на миллиарды лет». Это наша общая вина, что мы тебя забыли.

Пируя в год Чумы, еще поём и пьем
Прокисшее вино какой-то странной были
И бредим, опьянев, о Царствии Твоем [2, с. 85].

Еще острее враждебность к происходящему, еще большее нагнетение инвектив, еще резче неприязненные эпитеты в стихотворении «9 марта»:

Как в дни разбитых баррикад
Те сумрачные демагоги
Витийствовали на дороге,
Ведущей прямо в старый ад.

Так ныне, в первый день Весны,
Весны Семнадцатого года,
Я в танце уличного сброда
Твои пытаю глубины.

Безграмотный гром телеграмм,
Рев человеческого моря
Вы, жилистые руки горя,
Беззубый рот, кровавый шрам [2, с. 85].

Особого внимания в рассматриваемом ряду стихотворений заслуживает «И вот Она, о Ком мечтали деды...». Хотя слова «Она» и «Ком» поэт написал с прописной буквы, чего, разумеется, не следует недооценивать, смысл первой строфы, близок к тому, который мы видели и в других стихотворениях. Революция, произошедшая на глазах поэта, сопрягается в его сознании с предшествующими событиями того же рода: она «в плаще Жиронды, сквозь снега и беды / Вломилась к нам с опущенным штыком» [2, с. 86].

Затем появляются «призраки гвардейцев-декабристов / Над снеговой, над пушкинской Невой» и «Император в бронзовых ботфортах», «Строитель Чудотворный» «вспоминает» безумного пушкинского Евгения»: падение самодержавия воспринимается как исполнение его грозного предостережения: «Ужо Тебе».

Та же тональность в стихотворении «Торжественно, в чеканном такте...», датированное, как и предыдущее, мартом-апрелем 1917 г. Поэт

воскрешает картины современных событий с деталями, на которых лежит явный отпечаток своего времени: «весенний снег и слякоть», «за взводом взвод идут войска», «прожектор брызнул жёлтый взор», «шмыгнул приглушенный мотор», «провода трамваев черных», «сигнальные телеграммы», сердце, в которое «красной пропаганды / Вонзились страстные мечи». Но над всем этим веет Марсельеза и «Она» (Антокольский и здесь сохраняет прописную букву!) видится поэту стоящей в ряду всех революций, «рожденной вновь, *единосущей* (Курсив наш, - С.З.) / Для всех времен и площадей». А «царское убранство» - это не убранство царей, а восхищение той весной, которую Россия встречает уже освободившись от монархии.

Как известно, в июле 1917 г. Петроград был сотрясен мощным и кровопролитным политическим кризисом. 500-тысячная демонстрация рабочих, солдат и кронштадтских матросов двинулась к Таврическому дворцу. На ее разгон были брошены войска, У Литейного моста, на углу Невского проспекта, на Садовой и в других местах произошли вооруженные столкновения, жертвами которых стали около 400 человек. Под влиянием этих драматических событий из Временного правительства ушел его председатель Г.Е.Львов, а его место занял А.Ф. Керенский.

Антокольский воспринял это назначение с нескрываемым энтузиазмом. Именно июлем 1917 г. датировано первое из его стихотворений, обращенных к Керенскому. Как и в других стихах, созданных летом и осенью этого года, в нем присутствует ощущение хаоса, разброда, всеобщего смятения, отражавшее, конечно, неспособность молодого поэта проникнуть в существо происходящего вокруг. Ему слышится «гаканье в чайных, / Трезвон топоров по оврагам». «Посланы в бред серафимы - / Да сереброкрылой свободой / Раздвинут скитальческий бред». Петроград играет «черепом злого шута», на его площадях «догорает / Праздничная пестрота.

Там содрогается жизнь поколенья,
Пригвождена на ветру.
Нам ли у Бога просить исцеленья?
Мы прогадали игру [2, с. 98].

То же и в стихотворении, обращенном к Керенскому, где поэт прибегает к использованию одного из своих любимых поэтических средств – к анафоре: из первых десяти стихов девять начинаются словом «это». Роль этого приема в лирической композиции существенна: с его помощью нагнетаются и сгущаются разнообразные явления, создавая картину и ощущение всеобщего хаоса:

Это веянье утра: воскресни!
Это голос, безумный от спазм.
Это сорванный энтузиазм.
Это ветер на отмели Невской.
Это злой и святой Достоевский.

И этой полной тревоги картине противопоставлен спаситель. Ему принадлежат симпатии, переходящие в восхищение, с ним связаны надежды:

Выходи же, Керенский на смотр.

Ты нам меч. Ты нам Спас. Ты нам Пётр [2, с. 98].

Второе стихотворение, обращенное к Керенскому, Антокольский написал в начале 1918 г. К этому времени от надежд, которые он возлагал на неудачливого политического деятеля, не осталось и следа. Бежавший из захваченного большевиками Зимнего дворца Керенский попытался вместе с генералом П.Н. Красновым поднять мятеж и свергнуть советскую власть. Но на протяжении одной недели все эти планы потерпели полный крах: Краснов был арестован, а Керенский бежал на Дон и вскоре эмигрировал во Францию, откуда переселился в США, где и прожил до своей кончины в 1970 г.

Но полностью отказавшись от каких-либо намерений возвеличивать Керенского, Антокольский сохранил к нему известную долю сочувствия. Это, очевидно, связано с тем, что октябрьский переворот он оценивал в то время с нескрываемой враждебностью. Стихотворение начинается так:

Дрожит рука в тугой перчатке.

Народ – глазеет на балкон –

На эшафот победы шаткий,

Где красным палачом – закон.

Глаза Отрепьева. Отрывист

Твой бред, растоптанный судьбой,

Врастающий, летящий вырасти

Хлыстом и свистом за тобой [2, с.111-112].

Первое, что обращает на себя внимание - откровенное неприятие октябрьского переворота. Закон стал «красным палачом», победа большевиков ассоциируется с эшафотом, к тому же шатким, а народ, по-видимому, довольный произошедшим, «глазеет» на балкон, с которого к нему обращались новые правители. А тот, с кем связывались такие пылкие надежды, – наш меч, наш Спас, наш Петр – оскандалился: его рука дрожит, у него глаза Отрепьева, его обращения к стране – «бред, растоптанный судьбой», к тому же превратившийся в угрозу для него самого – в свистящий над ним хлыст.

И хотя его слава названа «наглой», а сам он «лжецом», он все-таки ближе поэту, чем тот, кто взял верх, вломившийся «на дележ Свободы / Тот шкипер с бешеным лицом», и какие-то пусть хрупкие надежды связываются только с ним: ему площадь распростерла «свой плащ – энтузиазм».

Ступай – лети – не спи ночами –

На фронт – на гибель – в Петроград.

Не за твоими ли плечами

Бежавшей Армии парад [2, с. 112]

Хотя Антокольский уже не называет Керенского «наш Петр», но «конь Фальконета» ассоциируется с ним, и ему, уехавшему на Дон, он желает победы, и выражением надежды на это завершается стихотворение:

Там – в Минске, на Дону – для нас
Над безымянным Офицером
Штандарт развернут... В добрый час! [2, с. 112].

Год спустя Антокольский написал одно из самых сильных стихотворений, созданных им в начале его творческого пути, исполненное подлинного драматизма стихотворение «Последний». Последний – это последний российский император Николай II. Как мы помним, поэт сочувственно принял Февральскую революцию и радовался первой весне, последовавшей за свержением монархии. Но, когда он узнал о расправе с царской семьей, что вместе с несчастным царем были расстреляны и его дети, он испытал другие чувства:

Когда ж это было, что призрак монарший
Расстрелян и в землю закопан [2, с.142].

Прежде чем мы перейдем к смысловому анализу этого произведения, отметим его поэтические достоинства. В отличие от большинства разобранных в этой главе стихов, написанных двусложными размерами, здесь использован амфибрахий – четырехстопный в нечетных стихах и трехстопный в четных. Искусно использована фоника: «Над **роком**. Над **рокотом** траурных маршей», «Под занавес **ливней залиvistых** проседь» «Свистящими саблями сучьев», «На пир, на **расправу, без права** на милость». Западают в память и такие рифмы, как «папах – пороха запах», «ливней – росли в ней», «столетья – околеть ей».

Но главное, конечно, само содержание, совокупность вложенных в него эмоций. Никогда Антокольскому и в голову не приходило славить военную мощь самодержавной России или горевать об её утрате, вспоминать осень 1914г., когда «шли эшелоны к границам», уповая на скорую победу. И вот сегодня из его уст вырываются горькие вопросы:

Где черный орел на штандарте летучем
В огнях черноморской эскадры?
Опущен штандарт, и под черную тучу
Наш красный петух будет задран.

Когда гренадеры в мохнатых папах
Шагали – ты помнишь их ропот?
Ты помнишь, что был он, как пороха запах

И как «на краул» пол-Европы? [3, с 24]

Сцена, когда лишь стаям вороньим осталось под занавес бросить возглас «Прощай император!», очевидно напоминает главу из поэмы Гейне «Германия. Зимняя сказка», в которой описано перенесение праха Наполеона в Париж, и вряд ли такой европейски образованный поэт, как Антокольский мог не ощущать это сходство. Но сходство совмещено и с противопоставлением. Здесь салютуют лишь осенние рощи саблями сучьев, и стрельба слышится холостая. А он – «идиот подсудимый», и ему помянуты все черные страницы его бедственного царствования – «от черной Ходынки до желтой Цусимы».

Но сегодня он не неудачливый император, а несчастный отец, который «с мальчиком мчится» на ошалевшей лошади – здесь в нашей памяти возникает другая аналогия – с балладой Гете «Лесной царь». Только финал другой. Отделенные от предшествующего текста линией точек звучат две самые проникновенные и горестные заключительные строки стихотворения:

– Отец, мы доехали? Где мы? – В России.
Мы в землю зарыты, Алеша [2, с. 143].

Прошел год, но мысли о последнем русском императоре не оставляли Антокольского и отразились в стихотворении «Мне в эту полночь показалось глупо...». В его строках встречаются «две тени: император и поэт».

Он – Император, вновь и вновь судимый,
Я – часовой, чей долг – не отвечать.
И я – поэт, чье право не молчать.
Я, может быть, пришел к нему с Цусимы.
Я был гудком охрипшим в Бологом.
Я сам его расспрашивал три года.

Как известно, в поезде около Бологого Николай II подписал отречение, а три года – срок, отделявший это событие от времени создания стихотворения, и вот в ответ на трехлетние расспросы царь встает и входит в «горящий дом» поэта. А поэту в его «огромном сне» все видится оренбургская трагедия:

Пусть предо мной курносый и зловещий
Расстрелянный, лицом упавший в снег.
Зачем?

О ночь! Ты за меня ответишь
Своим печальным голосом грудным,
Служанка снов, когда его ты встретишь, –
Штандартом взвейся траурным над ним.
И что любил он – музыку парада

И гробик сына – дай ему назад [2, с. 144].

Сочувствие и даже стремление возвысить убитого царя звучат в этих стихах отчетливо и громко. Вместе с тем, по мнению поэта, Николай ответил за исторические грехи самодержавца – именно в этом смысл его утверждения, что «последний Император, / Раздавлен взглядом медного Петра». И поэт зовет «сестру свою», ночь идти

за ним на смерть и на возврат ведомым,
Дабы в кольце блокады мировой
Как в анфиладах Ледяного дома
Метался Николай Второй – живой [2, с. 144-145].

В книге Л.Левина «Четыре жизни. Хроника трудов и дней Павла Антокольского» приведены важные свидетельства поэта о его настроениях и творчестве в те годы. Следует помнить, что и слова Антокольского и их цитирование Левиным относятся к концу 1970-х гг, когда первый из них не мог говорить правду до конца, а второй не посмел бы напечатать услышанное. Но пробираясь сквозь приглушенные слова к таящемуся за ними смыслу, мы все же получаем определенный материал для выводов об отношении Антокольского к людям и событиям той эпохи.

«Вахтангов открыто и честно признал Октябрь. Он заявил об этом своим ученикам уже в начале ноября 1917 года.»В тот вечер, – вспоминает Антокольский, – в состоянии очень большого подъема мы дружно поддержали нашего руководителя»» [4, с. 78]. Антокольскому шел двадцать второй год. В его по-прежнему романтических юношеских стихах впервые зазвучали гражданские мотивы. Сказалось давнее увлечение русской историей, возник образ Петра, воспринятый сквозь Пушкина и Блока. «Моя встреча с потрясающими событиями эпохи, – отмечает шестьдесят лет спустя Антокольский, – была, если угодно, парадоксальна. Да, я стал писать так называемые гражданские стихи – но о чем же, о ком? – О Петре Великом, Павле Первом, Дмитрие Самозванце, Марине Мнишек, наконец, о «Последнем» – злосчастном Николае Втором, уже в ту пору расстрелянном. Было бы нелепо назвать эти стихи монархическими. Но такие упреки мне приходилось выслушивать...» [4, с. 78].

Здесь многое требует уточнения и конкретизации. Прежде всего отметим честность Антокольского: Октябрь признал, не он, а Вахтангов, и ученики поддержали не революционный переворот, а своего руководителя. Далее напрашивается не имеющий ответа вопрос: почему свою встречу с «потрясающими событиями эпохи» называет парадоксальной. Маяковский бы так не сказал. Для него и вопроса не было: принимать или не принимать. «Моя революция». Для Антокольского она «своей» не была. Да и гражданские стихи он начал писать задолго до «Октября», и порождены они были размышлениями о других революциях.

Упреки в «монархизме» Антокольский отвергает с полным основанием. Никакой симпатии он к монархии не испытывал и о свержении ее не сожалел. «Последний» – это стихотворение не монархическое, а гуманистическое, вызванное глубоким неприятием зверской расправы с невинными людьми, а тем более с детьми.

Литература

1. Аннинский, Л. Павел Антокольский: «небыль сама превращается в быль» / Л. Аннинский // Литературная учеба. – 2003. – № 4. – С. 151-164.
2. Антокольский, П. Г. Далеко это было где-то...: Стихи. Пьесы. Автобиографическая повесть / П. Г. Антокольский. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. – 464 с.
3. Антокольский, П. Г. Собр. соч. В 4-х тт. Т.1 Стихотворения и поэмы 1915 -1940 / П. Г. Антокольский. – М. : Худож. лит., 1971. – 526 с.
4. Левин, Л. И. Четыре жизни. Хроника трудов и дней Павла Антокольского / Л. Левин. – М.: Сов. писатель, 1969. – 308 с.

Анотація

Зображення подій революційної епохи, що відбувалися на очах Антокольського, стало значною темою його лірики тих років. Лютневу революцію молодий поет вітав, але Жовтневу як би не помітив. Деякий нетривалий час його кумиром був Керенський, але до образу Леніна він не звертався. Важливим для характеристики етичних позицій Антокольського було дуже сильне в художньому відношенні вірш «Останній», присвячене останньому російському імператору Миколі II.

Ключові слова: лірика, революція, етична позиція

Аннотация

Изображение событий революционной эпохи, происходивших на глазах Антокольского, составило значимую тему его лирики тех лет. Февральскую революцию молодой поэт приветствовал, но Октябрьскую как бы не заметил. Некоторое непродолжительное время его кумиром был Керенский, но к образу Ленина он не обращался. Важным для характеристики этических позиций Антокольского было очень сильное в художественном отношении стихотворение «Последний», посвященное последнему русскому императору Николаю II.

Ключевые слова: лирика, революция, этическая позиция

Summary

Depiction of the revolutionary era events, which took place in front of Antokolsky, has become a significant theme of his poetry at that period. February Revolution has been welcomed by the young poet, but October Revolution has not been even noticed. For a short period Kerensky became his idol, but he has never turned to the image of Lenin. Poem "The Last", having very strong artistic

sense, has been dedicated to the last Russian Emperor Nicholas II. and is important to characterize the ethical position of Antokolsky.

Keywords: lyrics, revolution, ethical position